

Туда, где ждуют

А. Миллионов

Алексей Миллионов

Туда, где ждут

«Автор»

2026

Миллионов А.

Туда, где ждут / А. Миллионов — «Автор», 2026

Перед вами — сборник взаимосвязанных лирических новелл и фрагментов о жизни молодой петербурженки Даши, основанный на её дневнике. Обычная девушка, оставшаяся с младшей сестрой после потери родителей, пытается выжить в суровом, равнодушном городе. Через случайные встречи, хрупкую любовь, бытовые трудности, разлуку и тяжёлые испытания она ищет смысл, тепло и чудо. Петербург здесь — живой персонаж: застывший ангел на колонне, туманы, мосты, Нева, вороны и белые розы становятся зеркалом её внутреннего мира. А настоящее волшебство не рождается из ниоткуда — его способны творить мы сами друг для друга. Книга пронизана атмосферой одиночества и тоски, но в ней постоянно вспыхивает надежда на чудо, освобождение и место, где по-настоящему ждут. Читателя ожидает лиричный, эмоциональный стиль с элементами магического реализма.

© Миллионов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Ангел	7
Я	9
Он	10
Мы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей Миллионов

Туда, где ждут

Предисловие

Посвящается памяти Дарьи Н.

Что мне делать?

Не пойму.

Мчусь по свету,

Страшно в тьму.

Вдруг — развилка.

Поворот.

Что он прячет?

Что сотрет?

Где взлечу я?

Где мой путь?

...Мчусь во тьму я.

Не свернуть...

2010 г.

Ангел

Его любимый город тонул в сероватой, едва просматриваемой осенней дымке, похожей на вуаль, которой кутают старые, хрупкие зеркала. Он стоял высоко-высоко — там, где воздух тоньше и пропитан вечной прохладой, а под ним огромным полукругом расстилалась Дворцовая площадь, и величественный, затихший Зимний дворец казался отсюда лишь изящной шкатулкой из бирюзы и лепнины. В этот час он был выше всех в городе. Выше амбиций, выше суеты, выше мимолетных человеческих драм. И он любил его. Отрешенно, глубоко, как умеют любить только те, кто обречен на вечное созерцание.

И больше всего на свете, до ломоты во всем своем неподвижном теле, он хотел взлететь еще выше — сорваться с этой невидимой нити и раствориться в низком сером небе, которое упрямо обнимало этот обманчиво цветной, пастельный город. Но крылья его были каменные, намертво высеченные из равнодушной породы, а к тяжелому гранитному столбу навеки приковывал огромный, давящий крест. И эта земная тяжесть держала его крепче любых оков, заключая мечту о полете в бесконечную фантазию.

И все же он любил свой гранитный, омываемый дождями город. Сквозь полузакрытые веки он видел, как тонкой, неиссякаемой стрелой бежит сквозь плотные ряды домов Невский проспект, пульсируя тусклыми огнями. Он видел грязные, сонные, вечно грустные каналы, похожие на вены, в которых застыла кровь старого Петербурга. Ему до боли было жаль эту темную, свинцово-черную воду... Львов, — этих немых, брошенных детей Невы, зажатых в тиски строгих набережных.

Он любил скользящие по каналам этого города лодки, юркие катера и ажурные, словно кружево, мосты через каналы, связывающие осколки распадающегося пространства под натиском нового времени. Он безмолвно любил его строгие храмы и устремленные ввысь соборы. Сердце его... — ...Если бы каменное сердце его могло чувствовать — отозвалось бы острой, почти физической болью, когда гордый, парящий над водой Смольный собор лишился одного из своих крестов, будто потерял часть своей души. Он любил и золотой купол Исаакиевского собора, ловящий редкие лучи северного солнца, и строгую колоннаду Казанского, и, конечно, Эрмитаж, огромный, замерзший, лежавший прямо у подножия его монументального столба. Все это было его миром — миром, застывшим в шаге от реальности, где живое сливалось с камнем, а тоска — с абсолютной, звенящей красотой...

Он был невероятно стар — настолько, что само время казалось ему послушной, лениво текущей рекой. Он помнил ушедшие века и сменявшие друг друга поколения; помнил чопорных, затянутых в корсеты дам, чьи шелковые подола когда-то касались этих мостовых, и слащаво-вежливых кавалеров, прятая за изысканными комплиментами холодный расчет. Его каменная память бережно и покорно хранила безжалостные шрамы истории: кровавые революции, яростные мятежи, разрушительные войны и нечеловеческую, звенящую тишину блокадных зим, когда сам воздух, казалось, замерзал от горя. Он безмолвно помнил несправедливые изгнания, глухие ночные расстрелы, сменявшиеся безумными, оглушительными праздниками, и пышные, торжественные похороны.

Но наперекор всей этой боли он бесконечно любил этот израненный, несчастный город. Любил его одиноких, кутающихся в шарфы людей, бегущих по своим маленьким делам; любил промерзшие улицы, строгие фасады домов и, конечно, мосты. Мосты были его особой страстью. Каждую ночь они, словно крылья гигантских сказочных птиц, медленно разводились и сводились обратно, и сквозь их раскрытые объятия величественно проходили скользящие в темноте яркие, залитые огнями корабли, уплывающие в неизвестность.

А еще, конечно же, он любил Неву — эту величественную, гордую царицу, закованную в гранитные берега. Глубокой ночью, когда человеческая суета наконец затихала, город откры-

вал ему свои сокровенные тайны. Ангел видел, как оживает застывшая пластика улиц: как тяжело, осязаемо перебирают каменными лапами древние сфинксы на набережной, словно пытаясь стряхнуть вековую дремоту, как лениво вертят точеными головами чугунные морские коньки на Аничковом мосту, и как знаменитые львы забавляются, бесшумно катая свои тяжелые шарики по опустевшим площадям. А высоко над ними, в блеклом свете луны, задумчиво и нежно шелестел своими золотыми парусами тонкий адмиралтейский кораблик, вечно плывущий по ветру балтийских фантазий.

Так видел ангел свой город каждую бесконечную ночь. И каждую ночь, пока первые лучи рассвета не окрашивали купола в бледное золото, он мечтательно смотрел ввысь, грезя о том, как однажды легко поднимется высоко – высоко, к тяжелым, свинцовым облакам. И в этой своей тихой, безумной молитве он просил об освобождении... не далекого и глухого к нему Бога, а сам город — свой единственный, любимый, живой город...

Настал новый, такой совсем необычный солнечный осенний день. Ангел, как и прежде, замер в своем бесконечном дозоре, вглядываясь в расстилающийся внизу простор.... И вдруг внутри его каменного существа что-то дрогнуло. Невидимая трещина прошла по самой глубине его вековой души, и он почувствовал, как по холодной, иссеченной ветрами гранитной щеке, медленно покатилась теплая, живая слеза. Она скользила по скульптурным складкам, отражая в себе яркие лучи солнца.

И в этот самый миг, словно в ответ на безмолвный плач, прямо над его головой ясное питерское небо заполнилось странным и волнующим шумом. Сквозь прозрачный осенний воздух, к вершине колонны стали опускаться тончайшие, светящиеся нити — чистейшее, расплавленное золото, словно струящееся прямо из сердца вселенной. Они медленно и уверенно спускались к ангелу, обвивая его тяжелые плечи, его безжизненные крылья и монолитный крест, бережно укутывая застывшую боль.

В это мгновение его пронзило абсолютное, звенящее знание: время плена истекло. Сверхъестественная легкость, о которой он не смел даже грезить, начала вытеснять гранитную тяжесть. Он понял, что оковы пали, и теперь он наконец-то поднимется к заветным облакам. Откинув назад голову, ангел беззвучно закричал — и его голос, долгое время бывший лишь эхом невского ветра, обрел оглушительную, неземную силу, раскатившуюся над всем городом:

— Прощай, Город! Прощай, моя прекрасная любовь! Я ухожу, но я скоро обязательно вернусь, и снова увижу, как ты прекрасен в своем вечном одиночестве!..

Внезапный, мощный порыв ветра от машины встревожил полуденную тишину площади. Испуганные голуби, сидевшие на карнизах Зимнего дворца, с шумом взметнули в воздух. Сквозь хаотичный взмах сотен крыльев, птицы замороженно увидели, как от каменного изваяния отделился и стремительно уносится ввысь, к самому солнцу, ослепительно чистая, свободная фигура ангела, оставив внизу свою земную опору.

Прошло несколько дней. Скованный изморозью первых заморозков Александрийский столб окружили строительные леса — пришло время масштабной реставрации монумента. Когда реставраторы и альпинисты, затаив дыхание, поднялись на самую вершину, к месту, где стоял ангел, они в недоумении замерли. Прямо на постаменте, в том месте, где гранит касался ангела, навечно застыла крупная, чистая слеза, сверкающая под редкими лучами холодного петербургского солнца, словно застывший осколок Чуда...

Я

Я открыла эту чистую тетрадь в своём воображении, чтобы попытаться написать хотя бы что-нибудь о себе... о городе, в котором я живу... о людях, которых я знаю. Странно, но мне никогда раньше не приходило в голову вести дневники, или излагать свои мысли на бумаге. Может быть, мне просто было совершенно не о чем писать? Нет, это неправда. Внутри меня всегда бушевал целый океан мыслей, образов и невысказанных слов. Просто я никогда не хотела ни с кем этим делиться. Всё время, сколько я себя помню, меня преследовал тайный, подсознательный страх чьего-то холодного осуждения или мимолётного упрёка...

Упрёка в чём? В том, что я посмею отнять у кого-то его драгоценное время? Что заставлю обратить внимание на свои мелкие, никому не нужные переживания? Возможно. В этом городе – вечно спешащем механизме, слишком легко почувствовать себя лишней деталью.

Я самая обычная петербургская девушка. Худенькая, бледная, немного нескладная, тихая и катастрофически малообщительная. Из тех, кто выбирает самую неброскую одежду и поглубже кутается в шарф, защищаясь от холодного северо-западного ветра. Если бы вы случайно увидели меня в толпе на Невском или у станции метро — вы бы даже не обратили на меня внимания. Проскользнули бы взглядом мимо, как мимо серой кирпичной стены одного из сотен бывших доходных домов. С годами я научилась быть незаметной, почти прозрачной. А может я с рождения была такой? Сложно сказать...

Иногда в жизни так случается, что человек теряет то, что составляло саму основу его существования. Теряет близких, которые уходят навсегда, растворяясь в памяти; теряет друзей, хрупкую любовь и, самое страшное, последнюю надежду. Кажется, весь этот скорбный список — в точности про меня. В последнее время я чувствую себя окончательно потерянной, словно лодка, которую сорвало с привязи и унесло в тёмные, холодные воды Финского залива. Внутри выжженная пустота, и я не знаю, как и чем её заполнить. Говорят – потерявшиеся лодки дальше дамбы не уносит... Но правда ли?

Я очень люблю свою маленькую сестрёнку Машу, и не хочу, чтобы она чувствовала себя одинокой, как чувствую себя я. Ведь мы с ней остались совсем одни...

Почему-то именно сегодня, когда за окном сгущаются сумерки, а по стеклу медленно скатываются капли дождя, я держу в руках воображаемую ручку и пишу в эту воображаемую тетрадь. А вдруг, если я упрямо, день за днём, буду заполнять эти листы и допишу тетрадь до самого конца, в моей жизни всё круто изменится? Вдруг случится то самое чудо, в которое так отчаянно хочется верить, когда верить больше не во что? Конечно, оно случится, я обязана в это верить. ...Ведь иначе и быть не может... Иначе всё это..., вся эта глухая боль одиночества просто не имеют никакого смысла.

Он

Однажды мы познакомились. Это произошло совершенно случайно, вопреки всем законам логики и моим привычкам. Я всегда терпеть не могла шумные, пьяные компании, в которых люди теряют человеческий облик, и уж тем более никогда не горела желанием добровольно идти в душный, грохочущий ночной клуб. Для меня идеальный вечер всегда выглядел одинаково: чашка горячего чая, старый плед и интересная книга, или игра на моём электронном пианино.

В тот день я до последнего отнекивалась, придумывала самые нелепые предлоги — ссылалась на гору невыполненных переводов, на дикую усталость. Но мои подруги проявили редкостную настойчивость. Они буквально устроили бунт в моей прихожей и заставили меня влезть в платье, которое я надевала от силы раза два. «Тебе нужно развеяться, Даша! Ты совсем затворницей стала!» — кричали они, наспех подкрашивая мне ресницы. И я сдалась... Просто не хватило сил сопротивляться их бьющей через край энергии.

У одной из них была своя машина. И вот — глухой стук захлопнувшихся дверей, и мы уже мчимся по полупустым, залитым неоновым светом вечерним улицам Петербурга. Я сидела на заднем сиденье, прильнув лбом к прохладному боковому стеклу, и смотрела, как мимо пролетают размытые огни фонарей и фасады домов. Внутри нарастало чувство тревоги. Зачем я согласилась? Я ведь буду чувствовать себя там чужой, лишней, — как у меня всегда бывает в толпе незнакомых людей. Я не понимаю тех, кто умеет веселиться по щелчку пальцев, они мне кажутся какими-то чуждыми.

Мои невеселые мысли прервал переливающийся свет вывески — машина медленно затормозила. Мы наконец припарковались у клуба «Этаж» на Аптекарском. Из приоткрытых окон заведения уже доносился тяжелый, вибрирующий гул басов, от которого, казалось, подрагивал асфальт под машиной. Подруги весело переговаривались, поправляя прически, смотря в зеркало заднего вида, а я невольно помедлила, прежде чем потянуть за ручку двери, словно предчувствуя, что этот вечер раз и навсегда изменит мою жизнь...

...Он был самым обычным парнем. На нём была простая, чуть помятая тёмная куртка, а на лбу лежала непослушная чёлка, которую он то и дело забавно поправлял быстрым жестом. В его поведении не было дешёвого пафоса, наглого взгляда или той наигранной, развязной уверенности, которую так любили напускать на себя завсегдатаи подобных мест. Он подошёл ко мне просто..., ... просто — всего лишь для того, чтобы разузнать о моей яркой, эффектной подруге, которая с первой же минуты привлекла его внимание своим громким смехом и красивой фигурой.

Я уже приготовилась к привычной роли «невидимки», мостика, через который «еще не осмелевшие» парни пытаются подобраться к моим красивым подругам. Внутри кольнула знакомая, тоскливая мысль: «Ну конечно, опять. Кто бы сомневался. Ты просто декорация для чужого праздника, Даша». Я собиралась сухо ответить, подвести его к подруге и снова уйти за свой столик, растворившись в полумраке зала.

Но вместо пары дежурных, пустых фраз, между нами внезапно завязался совершенно другой, неожиданный и лёгкий разговор. Всё началось с его случайной, неловкой шутки про оглушительную музыку, а затем слово за слово — и я сама не заметила, как перестала чувствовать свою неловкость.

Оказалось, что за этой внешней простотой скрывался удивительно чуткий, тонкий и глубокий человек. У него были невероятно чистые, ясные голубые глаза, которые смотрели на меня с искренним, живым любопытством. Когда он слушал меня, он слегка наклонял голову, и мне впервые в жизни показалось, что кому-то по-настоящему важно то, о чём я говорю. Мы...,

говорили обо всём на свете: о странной петербургской погоде, о старых книгах, о том, как забавно светятся вывески в тумане...

Мы пересели за столик в самом углу зала, и весь этот беснующийся мир вокруг — со вспышками стробоскопов, толкающимися локтями и надрывным ревом басов — вдруг перестал существовать. Музыка превратилась в едва слышный фоновый шум, а пространство между нами сузилось до размеров крошечного островка. Я смотрела на его улыбку и ловила себя на робкой, пугающей мысли: «Неужели такие парни бывают? Неужели он видит меня?». В его присутствии моё вечно давящее одиночество куда-то отступило, открывая место непривычному, хрупкому ощущению тепла.

И в какой-то момент, когда между нами повисла короткая, но удивительно уютная пауза, он, мягко и немного смущённо улыбнувшись, заглянул мне прямо в глаза и пригласил меня на свидание...

Свидание?! Настоящее, только для нас двоих? Мне не верилось в это до самого последнего момента, даже когда я уже была дома. Я, помню, стояла перед зеркалом и повторяла эти слова, судорожно пытаюсь поправить и без того аккуратно причёсанные пряди волос. Сердце в груди стучало испуганно, часто и одновременно как-то сладко, отдаваясь тихим эхом где-то в горле. Я то и дело перечитывала его короткое сообщение на экране телефона, проверяя назначенные время и адрес, словно боялась, что всё это — лишь плод моего воображения.

Весь мир вокруг меня в одночасье преобразился, словно кто-то невидимый выкрутил на максимум яркость и наполнил серые петербургские улицы сочными, живыми красками. Проезжавшие мимо машины больше не казались безликим грязным потоком, а свет уличных фонарей, дрожащий в лужах, выглядел почти волшебно. Я шла к месту нашей встречи, и в голове согревающей волной крутились его слова, сказанные там, в грохочущем полумраке «Этажа».

«Знаешь, ты совсем не похожа на тех, кто приходит сюда просто убить время, — негромко говорил он, наклоняясь ко мне, чтобы перекричать тяжелые басы. — В твоих глазах есть какая-то удивительная, глубокая тишина. Мне очень хочется узнать, о чём ты молчишь».

Вспоминая этот его открытый, искренний взгляд и то, как бережно он держал свой бокал, словно боясь случайно задеть меня в тесноте бара, я улыбнулась. Тогда, среди веселья и пьяного угара, эти простые слова прозвучали для меня как спасительный круг. Он ведь действительно выделил меня из толпы. Разглядел за моей замкнутостью и скромностью что-то, что посчитал важным.

Тогда я ни на одну секунду не пожалела, что поддалась настойчивым уговорам подруг, переступила через свой страх и шагнула за порог этого клуба. Набитое праздными людьми заведение, которое я так отчаянно надеялась проигнорировать, внезапно стало для меня отправной точкой, началом чего-то огромного, светлого и совершенно неизведанного.

На следующий день, в назначенное время, я свернула на набережную, вглядываясь в силуэты прохожих у моста, и издалека заметила знакомую тёмную куртку и чуть взъерошенные ветром волосы...

Мы

Белая машина тихо припарковалась у самой кромки песчаного берега Шуваловского карьера. Вечер опустился на окраину города, укутывая водную гладь мягким, едва заметным туманом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.